

ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЖИЗНИ ЛЕНИНА

ТРИ ЗАГАДКИ

Окончание.
Начало на стр. 6—7.

Видимо, распространение письма продолжалось и в СССР. По поручению Политбюро Сталин разослал 11 марта в партийные комитеты следующую телеграмму.

«Только для президиумов губкомов, обкомов и национальных ЦК. Политбюро считает необходимым поставить вас в известность о наступившем серьезном ухудшении в состоянии Владимира Ильича. С декабря прошлого года т. Ленин потерял способность двигать правой рукой и правой ногой, вследствие чего т. Ленин, не имея возможности писать, вынужден был диктовать свои статьи стенографам. Так как такие явления наблюдались время от времени и ранее, в первый период болезни, и затем проходили, то врачи выражали твердую надежду, что и на этот раз Владимир Ильич справится с болезнью в более или менее короткий срок. И действительно, улучшение, хотя и медленное, в состоянии Владимира Ильича наблюдалось до последних дней. Твердо рассчитывая на это улучшение, последний пленум ЦК постановил даже не опубликовывать пока некоторых резолюций к съезду, надеясь, что можно будет через неделю-две посоветоваться относительно их с Владимиром Ильичом. Между тем десятого марта наступило резкое ухудшение. Т. Ленин почти утратил способность речи при сохранении ясного и отчетливого сознания. Врачи признают положение тяжелым, не отказываясь, однако, от надежды на улучшение, ввиду глубокой серьезности положения с сегодняшнего дня начинается публикация врачебных бюллетеней.

В тревожные для партии и революции дни ЦК твердо рассчитывает на величайшую выдержку и сплоченность всех руководящих организаций партии. Более чем когда-либо губкомы должны быть в курсе настроений массы, чтобы не допускать никакого замешательства.

По поручению Политбюро секретарь ЦК И. Сталин.»

И третья загадка: поведение Крупской 5—7 марта 1923 года. Пятого она вновь обращается к мужу за защитой от Сталина. Вновь живописует, как он грубо ее оскорбил два с половиной месяца назад. Ленин вскипает, вызывает дежурного секретаря М.А. Володичеву и диктует ей:

«Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен

забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением Ленин.
5-го марта 23 года.»

Зачем Крупская это сделала? Почему не велела передавать ленинскую записку Сталину? Отсутствие ответа несомненно сказалось на резком ухудшении состояния здоровья Ленина, наступившем в ночь с 6-го на 7 марта 1923 г. Сталин получил записку только 7-го, немедленно продиктовал Володичевой ответ:

«Т. Ленину от Сталина.

Только лично.

Т. Ленин!

Неделю пять назад я имел беседу с т. Н. Константиновной, которую я считаю не только Вашей женой, но и моим старым партийным товарищем, и сказал ей (по телефону) приблизительно следующее: «Врачи запретили давать Ильичу политинформацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его, между тем, Вы, Надежда Константиновна, оказываетесь, нарушаете этот режим; нельзя играть жизнью Ильича» и пр.

Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое или непозволительное, предпринятое «против» Вас, ибо никаких других целей, кроме цели быстреешего Вашего выздоровления, я не преследовал. Более того, я считал своим долгом смотреть за тем, чтобы режим проводился. Мои объяснения с Н. Кон. подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут, да и не могло быть.

Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения «отношений» я должен «взять назад» сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя «вина» и чего, собственно, от меня хотят.

И. Сталин.»

Но Ленин ответа уже не прочитал. У него развивается новый приступ болезни, приведший к усилению паралича правой половины тела. В таком состоянии никакие документы ему не докладывали.

Однако же содержание его послания Сталину все тем же таинственным образом сразу стало известно врагам генсека.

Хочешь, не хочешь, а приходится сделать вывод, что Крупская в интересах политической борьбы в очередной раз нарушила запрет Пленума ЦК, не пожалев при этом Ленина.

В тот период Троцкий всеми силами стремился занять место вождя. Ему активно помогали сторонники. Карл Радек, например, поместил в «Правде» свою статью «Лев Троцкий — организатор побед». Акция Крупской явно имела цель устранить конкурента.

Борьба шла не шуточная. Только ни в коем случае не надо думать, что она носила личный характер, была соперничеством двух, как писал Ленин, «выдающихся вождей современного ЦК». Я совершенно согласен с Н.И. Капченко, выдающимся исследователем всего, что связано со Сталиным:

«Предметом этой борьбы являлась не одна лишь возможность занять уникальное место покидавшего историческую сцену вождя, но и — что особенно важно — вопрос о выборе стратегического курса будущего развития страны. На весах истории лежала не только судьба отдельных политических фигур, но, по существу, судьба страны, то, какое генеральное направление развития она изберет не только в ближайшей, но и в отдаленной перспективе. Именно это обстоятельство предопределяло как масштабы, так и остроту, а также некоторые другие особенности развернувшейся политической схватки. Не уяснив себе этого обстоятельства и сведя существование противоборства сторон в тот период исключительно к личной борьбе за власть между претендентами на ленинское политическое наследие, невозможно дать объективно верную оценку событиям тех далеких лет.

Если говорить обобщенно, то на деле речь шла о противоборствии (вначале еще не четко

обозначившемся) двух полярно противоположных линий. Первая из них, наиболее последовательным и решительным выразителем которой являлся Сталин, в качестве главной стратегической цели ставила укрепление и развитие единого многонационального государства, сплоченного и централизованного настолько, чтобы суметь выстоять в смертельной схватке с любыми враждебными силами, будь то внутренняя контрреволюция, будь то внешняя агрессия. Эту линию можно условно назвать стратегией государственного созидания.

Вторая линия, наиболее видным выразителем которой был Троцкий, во главу угла ставила не внутреннее строительство, поскольку оно представлялось бесперспективным в капиталистическом окружении, а всемерное разжигание пожара мировой революции. В последней они видели единственную надежду на гарантию существования и развития Советской власти. Но если договаривать до конца то, о чем предпочитали умалчивать поборники данной стратегической линии, то и само существование Советской власти им представлялось не главной целью. Таковую они усматривали в разжигании мировой революции, в грандиозном пламени которой Советской России уготовивалась роль горячего материала.»

В заключение — еще один сталинский документ.

«СТРОГО СЕКРЕТНО. Членам Пол. Бюро

В субботу, 17/III т. Ульянова (Н.К.) сообщила мне в порядке архиконспиратива «просьбу Вл. Ильича Сталину» о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность достать и передать Вл. Ильичу порцию цианистого калия. В беседе со мною Н.К. говорила, между прочим, что «Вл. Ильич переживает невероятные страдания», что «дальше жить так невыносимо», и упорно настаивала «не отказывать Ильичу в его просьбе». Ввиду особой настойчивости Н.К. и ввиду того, что В.Ильич требовал моего согласия (В.И. дважды вызывал к себе Н.К. во время беседы со мной из своего кабинета, где мы вели беседу, и с волнением требовал «согласия Сталина», ввиду чего мы вынуждены были оба раза прервать беседу), я не считал возможным ответить отказом, заявив: «прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование». В. Ильич действительно успокоился.

Должен, однако, заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу В. Ильича и вынужден отказаться от этой миссии, как бы она не была гуманна и необходима, о чем и доведу до сведения членов П. Бюро ЦК.»

Позиция Сталина была поддержана всеми членами Политбюро. Единственной, кто хотел, чтобы просьба Ленина была выполнена, оказалась Крупская.

Не стану это комментировать, слишком тонкий и деликатный вопрос. Но в интересах истины приведу краткий диалог между Сталиным и Бухариным после первого обращения Владимира Ильича насчет яда. На вопрос Бухарина, можно ли сказать об этом провозгласившей их Марии Ильиничне, Сталин ответил: ей можно, а Надежде Константиновне нет. За этим ответом и согласием с ним Бухарина стоит очень многое, о чем хорошо знали собеседники.

В общественном мнении прочно утвердился сугобо положительный образ Н.К. Крупской, без всяких оттенков. И в целом это правильно, но как во всякой семейной жизни, в отношениях супругов далеко не все было безоблачно. Чего стоят два «побега» Владимира Ильича из-под опеки Надежды Константиновны. Первый — когда он провел две недели у старого знакомого в Подмоскowie. Второй — в 1923 году в Горках, где Ленин удалился от семьи на три дня к управляющему совхозом «Горки» А.А. Преображенскому.

Вернемся, однако к документу. К кому обратился Ленин после «Письма к съезду», которое, как его уверяли, никому не известно, после грозной записки Сталину? К нему же — другого верного и надежного человека в своем окружении он не видел. И ни о каком «перемещении» его не говорил.

Ю. ИЗЮМОВ